(1)Знакомство наше состоялось, когда Оська уже учился в школе. (2)К маме пришла её подруга с сыном.

– (3)Ну, показывай, чем живёшь! – сказал Оська.

(4)Давно уже содержимое ящиков письменного стола потеряло для меня всякий интерес, но, чтобы развлечь гостя, я показал ему какие-то инструменты, коллекцию пересохших, почти рассыпающихся бабочек
в коробке под стеклом, толстый, в красном тиснёном переплёте альбом
с марками, финский нож и пистолет.

(5)В альбоме с марками его привлекли портреты царей, шахов, султанов, магараджей, президентов и прочих правителей кануна мировой войны, когда этот альбом был выпущен, – коллекцией моей он пренебрёг. (6)Раздражение моё против гостя росло.

– (7)Альбом – вещь, а марки – дерьмо, – подвёл итоги Оська. – (8)Что у тебя ещё есть?

(9)Обветшалые сокровища оставили его равнодушным: кроме альбома, он не нашёл у меня ничего заслуживающего внимания. (10)Чем он живёт, что может его заинтересовать?

– (11)Что ты читаешь, бледнолицый? – замогильным голосом произнёс Оська.

(12)Я мотнул головой на полку с книгами. (13)Он подошёл, взгляд его удивлённых, раскосых глаз забегал по корешкам. (14)Меня злила эта беглость, означавшая, что все книги ему знакомы. (15)При этом он что-то бормотал, то вдруг повышая голос почти до крика, то опадая в шёпот. (16)Затем отчётливо и спокойно сказал, глядя мне в лицо:

– (17)Стихов у тебя нет. (18)Ну, а «Смока Беллью» ты хоть читал?

– (19)Не помню. (20)Может, читал. (21)Чьё это?

– (22)Джека Лондона. (23)Если б читал, помнил бы. (24)Целая серия романов. (25)Все лучшие люди зачитываются. (26)А ты …

(27)Он явно нарывался. (28)Но до каких пор должен я терпеть его разнузданность? (29)Оська явно демонстрировал своё пренебрежение ко мне: он слонялся по комнате, трогал вещи и небрежно отбрасывал, выкрикивал раздражающе непонятные стихи, свистел, пел. (30)Но задело меня другое: он вроде в дураки меня зачислил. (31)Самолюбие мешало признаться в этом, но злоба закипела, противно и сладко.

– (32)А чем ты увлекаешься?– превозмогая себя, спросил я.

(33)Вместо ответа он сунул мне под нос ладонь, а когда я машинально наклонился, то вдруг хлопнул меня по носу и губам и радостно захохотал. (34)Ни слова не говоря, я выпрямился и ударил его кулаком в лицо. (35)Ударил сильно, он отлетел назад, наткнулся на продавленное кресло
и повалился в его истёртую кожаную глубь. (36)Он потрогал ушиб и увидел на пальцах кровь. (37)Лицо его скривилось. (38)Я ждал, что он, конечно, расплачется, и хотел этого, но он не заплакал. (39)Он посмотрел на меня – странно, без тени страха или злости, даже обиды не было в его раскосых, тёмно-карих глазах, лишь удивление и словно бы вина.

– (40)Слушай, – сказал он добрым голосом. – (41)Ну, чего ты?.. (42)Я вовсе не хотел тебя обидеть. (43)Правда!

(44)Я молчал. (45)Я видел его подпухший нос, тонкое лицо, шелковистые брови, непрочное, нежное, будто фарфоровое, лицо, и горло забило картофелиной. – (46)Брось!.. (47)Забудем!.. – (48)Он выметнулся из кресла, подошёл ко мне и протянул руку.

(49)И это открытое движение доброты, нежности и доверия перевернуло во мне душу… (50)Я никогда больше пальцем не тронул Оську, как бы он ни задирался, а это случалось порой в первые годы нашей так сложно начавшейся дружбы. (51)Позже я бдительно следил, чтобы его кто-нибудь не обидел. (52)А такая опасность постоянно существовала, потому что, при всей своей доброте, открытости и любви к людям, Оська был насмешлив, размашист, крайне неосмотрителен. (53)Однажды Оську избил парень по кличке Жупан. (54)Я публично вздул Жупана, чтобы другим было неповадно. (55)Сам Оська подошёл, когда экзекуция уже закончилась. (56)Он отвёл меня в сторону.

– (57)Я прошу тебя… я очень прошу тебя никогда за меня не заступаться. (58)Ладно? (59)Просто мне наплевать, а для таких, как Жупан, – целая трагедия. (60)Не выношу, когда унижают людей…

(По Ю. Нагибину)